

7.08.02

100

С легендарным спортивным комментатором и прекрасным актёром Котэ Махарадзе наш корреспондент Игорь ФЕЙН встретился в Тбилиси, в "доме на горе". Дом Котэ и его жены Софики Чиаурели известен всем жителям грузинской столицы ещё и как театр.

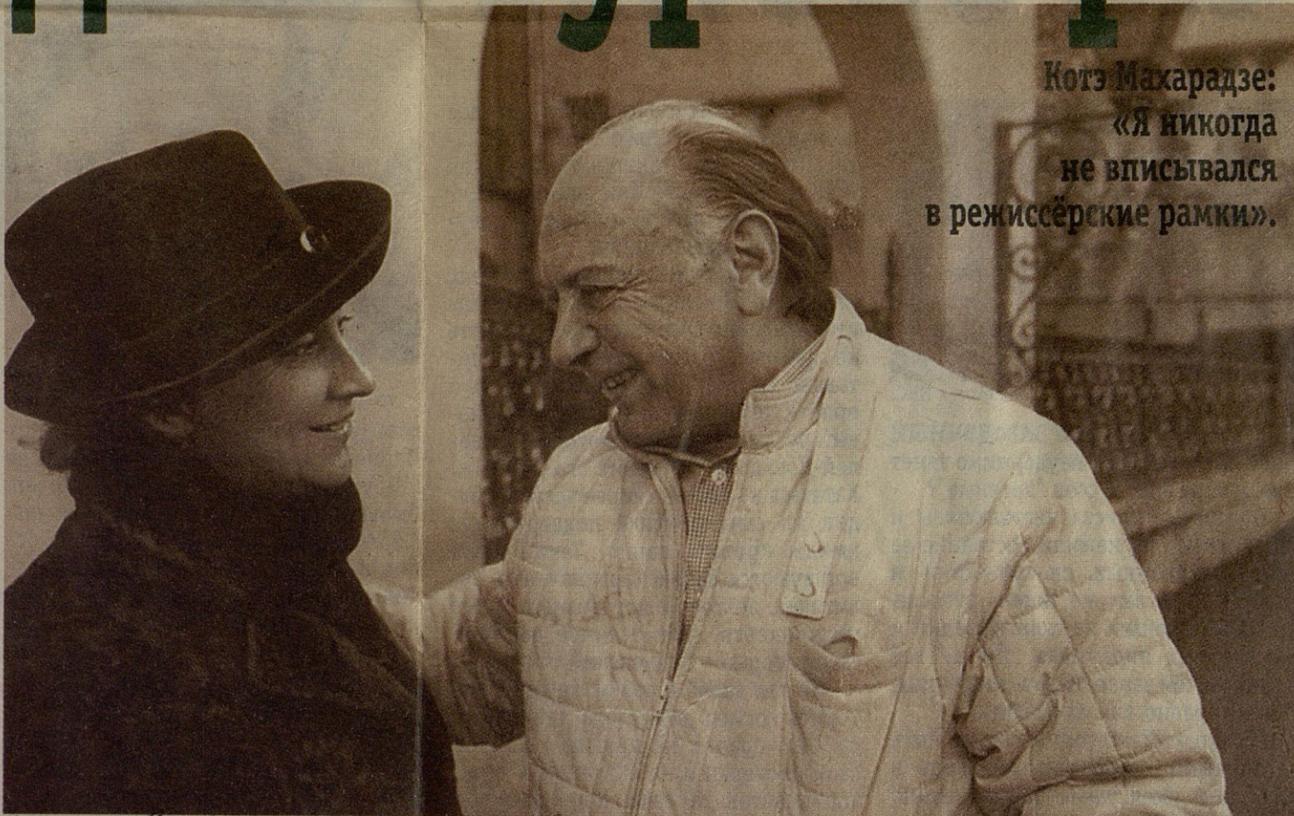
— Ни ваши почитатели, ни журналисты, не могут определиться: в какой ипостаси вы наиболее полно и органично выражаете себя. Помните фильм под названием "Кто вы, доктор Зорге?". Сравнение, конечно, хромает, но всё же, кто вы, профессор Махарадзе?

— Так получилось, что я постоянно находился перед выбором. Я хотел быть спортсменом. И был им. Серьёзно занимался баскетболом. Был чемпионом Грузии среди юношей. Мальчишкой уже входил в основной состав звёздного тбилисского "Динамо" во главе с легендарным Отаром Коркия. Мне каких-то двух-трёх матчей не хватило для оформления чемпионства в Союзе. Но я уже закончил театральное училище (параллельно с баскетболом), был зачислен в труппу Академического театра имени Руставели, имел свой репертуар. Пришло время выбирать: спорт или театр. Я выбрал театр.

— И нашли себя?

— Нет, по большому счёту не нашёл, хотя были удачи, громкий успех, улёт, как выражаются молодые. Но... Никак я не мог вписаться в режиссёрские рамки. Нет, я понимал, что от меня требуется. Однако далеко не всегда мог выполнить указания. И только потом, сам став режиссёром, осознал, на какую же муку обрекал тех, кто работал со мной. Впрочем, я это уже проходил. В спорте. Меня и тренер должен был отдельно уговаривать сыграть так, а не эдак, чтобы не поргить командную игру. Махарадзе, говорили мне, ты со своим ростом лезешь под кольцо. А что тебе там делать? У тебя неплохой бросок — так и пользуй-

ДИКТАТУРА ИГРЫ

Котэ Махарадзе: «Я никогда не вписывался в режиссёрские рамки».

Алгарбит — 2002 — 7 авг. — с. 6 — 7.

ся. Но ведь это Грузия. На виду тот, кто забывает. Вот я и лез.

— Так как вы оказались у микрофона?

— В 1957-м в Тбилиси приехала сборная США по баскетболу. Тогда такие туры проходили регулярно: то они к нам, то мы к ним. Нет, конечно, это не были баскетболисты НБА. Студенты. Но какие студенты? Джерр Лукас, например, который в Риме, на Олимпиаде-60, фуорор произвёл. А потом и в НБА звездой стал. Оскар Робертсон, Спенсер Хейвуд,

будущий сенатор и кандидат в президенты США Билл Брэдли. Ну вот, ездили их команды по Союзу. Решали, кому комментировать их игру у нас в Грузии. Блистательный Эроси Манджгаладзе, пионер грузинского спортивного репортажа, отказался, так как принципиально комментировал только футбольные матчи. Он-то и предложил: да посадите к микрофону Котэ Махарадзе. Мол, актёр — раз, язык подвешен — два, любит спорт — три, да и сам в баскетбол прилично играл... Я упирался, упирался, но в итоге согласился. Буквально через несколько дней я уже вёл репортаж.

— А вы смогли бы так закричать, как Нина Ерёмкина, когда Шура Белов забил победные два очка американцам и мы впервые выиграли баскетбольный турнир Олимпиады, в 1972-м, в Мюнхене?

— Смог бы. Я всегда орал, как оглашенный. Знаете, это странно, но никому из наших комментаторов эмоции проявлять было нельзя. За этим сам Лапин, строгий председатель Гостелерадио СССР, следил. Разрешалось только Коле Озерову и мне. Интересно, да? Два актёра, ставшие волею судеб спортивными телекомментаторами, получили индульгенцию. Но не повышенная эмоциональность больше всего волновала наших шефов. Совсем другое. Представляете,

Котэ Махарадзе и Софики Чиаурели.

веду репортаж с футбольного матча-шоу между сборными Европы и Югославии (посвящённого, кажется, какой-то юбилейной дате). И мне прямо в комментаторскую кабину звонят из Москвы и усердно напоминают: имя Пушкаша прозвучать не должно. А Ференц Пушкаш — это великий венгерский футболист, который в 1956-м, после известных событий, решил на родину не возвращаться. Сейчас-то он герой Венгрии, по-прежнему кумир и любимец, а тогда — "враг народа", предатель. Вот и приходилось изворачиваться, говорить просто: игрок под номером таким-то. Коля Озеров рассказывал: когда он вёл репортаж с "матча века" между сборными Англии и "остального Мира", играл Пушкаш. Так он разок заикнулся: дескать, замена у сборной Мира, вышел Пушкаш. Тут же звонок: Николай Николаевич, ваше личное дело лежит на столе у председателя. Хорошо хоть, что у председателя Гостелерадио, а не КГБ. Потом тот же Коля и, увы, тоже ныне покойный Женя Майоров, выдающийся наш хоккеист, затем ставший моим коллегой на телевидении, тоже жаловались: комментируют матчи канадских профессионалов с нашими, а за "тех" играют Недомански, Фарда, Бубла, которые уехали из Чехословакии. И их, оказывается, нельзя было называть. А как быть, коли они голы забивали?

Театр у футбольного микрофона.

абвгдеёжзийклмнопр

— Вы что-то в своей комментаторской манере у зарубежных коллег подсмотрели?

— Вы бы слышали, как орут итальянцы, испанцы, португальцы, латиноамериканцы! Я понял: это именно то, что и надо. У кого мяч, кто куда перепасовал, почему свистнул судья, какое место занял вратарь — это же все сами видят. Кстати, радиоконментатор Синявский как раз гениально пользовался тем, что никто не видел того, что на самом деле происходило на поле. Я достоверно знаю, что эпизодический матч московского "Динамо" в том историческом турне 1945 года с "Арсеналом" он из-за тумана просто физически не мог видеть из своей комментаторской будки. Но разве слушатели это почувствовали? Он вдохновенно импровизировал, придумывал, попросту врал, но создал незабываемый спектакль.

— Какие спектакли создаёте вы, багоно Котэ?

— Теперь только в нашем с Софики доме. Сначала это был театр одного актёра. Я освободил зимний сад, расставил стулья и стал играть. Инсценировал пьесы: классиков — русских и грузинских, западных, потом попробовал и современных. Заинтересовалась Софики, присоединилась. Название осталось прежним: театр одного актёра. Зритель идёт и идёт. Пришлось даже перестроить часть дома, чтобы хоть чуть-чуть увеличить "зал". Если раньше к нам приходило человек 50, то теперь — 200, 250, 300.

— И это несмотря на, извините, безденежье большинства жителей Тбилиси?

— Мы не гонимся за прибылью, мы играем для людей. Софики, я же вижу, чувствую, просто купается в наших постановках. А ведь она в отличие от меня, как и прежде, востребована. И в других театрах, и в кино.

— Не знаю, огорчу вас или, наоборот, порадую, но точно такой же театр в Вильнюсе задолго до вас организовали Регимантас Адомайтис и его очаровательная супруга Эугения Байорите...

— О, Регис, мой друг и партнёр... Мы с ним играли в "спортивном" фильме о гандболе... Ну, так почему я должен завидовать, ревновать? Дай Бог им здоровья, они делают доброе и хорошее дело. А что они играют?

— Чехова, Куприна, Букина, Блока, современных русских авторов — Аксёнова, Гладиллина, Ерофеева... Естественно, литовских литераторов. Кстати, Нодара Думбадзе поставили...

— Так это же здорово! После того, как рухнул Союз, мы на какое-то время потерялись. А сейчас, несмотря на то, что рогаток всё больше и больше, на границах в частности, вроде бы стали опять сближаться.

Алгарбит — 2002 — 7 авг. — с. 6 — 7